

А. В. Анисимова

**Проблема выбора позиции в среде русского офицерства в период Гражданской войны:
моральный и политический аспекты**

В статье содержится попытка представить краткий обзор тех факторов, которые могли оказать или оказали влияние в процессе выбора собственной позиции в условиях Гражданской войны в России в среде русского офицерства. Особенное внимание уделяется политическим мотивам как возможным факторам самоидентификации русского офицерства.

Ключевые слова: Гражданская война, кадровое офицерство, политические убеждения, идеология, монархизм, большевики, террор, Красная армия, Белое движение, самоидентификация.

A. V. Anisimova

**Problem of Choosing a Position in the Environment
of the Russian Officers during the Civil War: Moral and Political Aspects**

The article contains an attempt to present a short review of those factors which could make influence on or influenced in the course of choosing own position in the conditions of the Civil War in Russia in the environment of the Russian officers. The special attention is given to political reasons as possible factors of self-identification of the Russian officers.

Keywords: the Civil War, personnel officers, political convictions, ideology, monarchism, Bolsheviki, terror, the Red Army, the White Movement, self-identification.

Гражданская война кардинально отличается от войны с внешним врагом, будь то война агрессивная, захватническая или оборонительная. Гражданская война, являясь войной идеологической, отличается крайней жестокостью, всегда свойственной такого типа войнам, психологическим накалом, эмоциональным порывом населения. Являясь войной внутренней, она отличается трагизмом в большей степени, чем война внешняя, поскольку предполагает истребление своих же своими, вовлекая в орбиту кровавой свистопляски бывших друзей, сослуживцев и родственников. Наконец, внешняя война сама по себе определяет воюющие стороны, избавляя тем самым участников от порой мучительного и сложного морального выбора на чью сторону встать. В противоположность войне с внешним врагом, гражданская война неизбежно ставит каждого человека перед проблемой выбора: «С кем ты?» Этот выбор человек делает сам и сам потом несет за него ответственность.

Данная работа ставит целью отследить факторы влияния на выбор политической позиции, а, следовательно, идентификации себя с тем или иным воюющим лагерем в среде русского офицерства.

Анализировать природу выбора собственной позиции населения в целом в Гражданскую войну достаточно проблематично. Наилучшим материалом в этом случае служат воспоминания, дневники, переписка участников тех событий. Однако недостаток заключается в том, что большинство из этих документов создавались уже после Гражданской войны, с оглядкой на прошлое и вполне могли подвергнуться нужной автору корректировке. Особенно это касается воспоминаний тех, кто остался с большевиками и создавал свои мемуары под чутким контролем Советской власти, под ее идеологическим прессом.

Бесспорным плюсом при анализе умонастроений белого офицерства можно считать широкий перечень оставленных воспоминаний, что, при близком рассмотрении, является вполне закономерным. Во-первых, вынужденное пребывание вдали от Родины, на чужой земле. Погружение в воспоминания позволяло этим людям хотя бы в мыслях вернуться в Россию, вновь соприкоснуться с родными и близкими. Во-вторых, для многих эмигрировавших мемуарная деятельность стала своего рода источником доходов, возможностью как-то поправить материальное положение, которое тогда опять же у многих ос-

тавляло желать лучшего. Мемуары бывших белогвардейцев пользовались тогда в Европе известной популярностью. В-третьих, возвращение к Гражданской войне и к событиям, ей предшествовавшим, давало шанс оглянуться на прошлое и переосмыслить его, переосмыслить собственную линию поведения.

Тем не менее, воспоминания белого офицерства нельзя целиком и полностью принимать на веру и считать истиной в последней инстанции. Как любое произведение личного характера они несут налет субъективизма, а иногда и сознательное искажение действительности с целью показать себя в наиболее выгодном свете; оправдаться порой не только перед обществом, но и перед самим собой.

Намного более серьезные проблемы встают перед исследователем при анализе процесса самоидентификации тех офицеров, которые примкнули к большевикам и навсегда остались с Советской властью, в Советской стране. Воспоминания этих людей – довольно редкое явление. Исключение представляет разве что высший командный состав, да и то большинство мемуарной литературы было создано уже после Второй мировой войны, и основной ее целью было освещение событий прежде всего именно этого периода.

«Скудость» источниковой базы по «красному» офицерству, с одной стороны, можно объяснить отсутствием тех факторов, которые толкали на написание мемуаров белых. С другой стороны, – спецификой ситуации, царившей в Советском государстве, в частности, в советской литературе. Она, как и все в стране, подчинялась канонам формирующейся административно-командной системы и начинала работать исключительно на заказ правительства, испытывая на себе тяжелый пресс советской идеологии.

Подавляющее большинство офицерского и высшего командного состава старалось поначалу придерживаться принципа «армия – вне политики» и защищать существующее на данный момент правительство, не вмешиваясь активно в процесс политического переустройства государства. Однако ситуация постепенно начинает выходить из-под контроля и складываться таким образом, что находиться вне политики армия (во всяком случае, командование) уже не может. Наступает тот момент принятия решения в выборе собственной политической позиции, о котором было сказано выше. Для многих это становится тяжелой психологической борьбой, борьбой между устоявшимися принципами и собственными

убеждениями. Необходимость заняться политической для старшего офицерского состава обернулась личной катастрофой, и стала катастрофой для всего Белого движения в целом. Яркими примерами так называемых «жертв политики» могут служить судьбы А. И. Деникина и, в большей степени, А. В. Колчака.

Сразу следует оговориться, что речь пойдет, так сказать, об изначальном выборе офицеров бывшей царской армии, то есть выборе, сделанном ими в начальный период Гражданской войны. На ее исходе имели место случаи массового перехода белых в ряды РККА. Такую смену позиции нельзя считать вполне осознанной в моральном плане и отвечающей истинным убеждениям переходивших, поскольку здесь доминирующее влияние оказывали такие факторы, как крайняя усталость от войны, душевная опустошенность, отчаяние и безвыходность ситуации. Многими руководило просто нежелание уходить из страны, и они предпочли остаться на Родине под властью, пусть даже изначально ими абсолютно не приемлемой. Кроме того, сыграл свою зловещую роль развернутый большевиками террор в отношении контрреволюционных элементов и, что немаловажно, их семей. Многие офицеры были вынуждены встать в ряды Красной армии под угрозой физической расправы, прежде всего не с ними самими, а с их родственниками.

В ситуации разгоравшейся Гражданской войны выбор позиции офицерства осуществляется под влиянием следующих факторов. Во-первых, традиционные устои. А. И. Деникин в своих «Очерках русской смуты» так характеризует настроения офицерства накануне Февральской революции: «Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство командного состава было совершенно лояльно по отношению к личности Государя. Позднейшие эволюции старших военачальников-монархистов вызывались чаще карьерными соображениями, малодушием или желанием, надев «личину», удержаться у власти для проведения своих планов; реже – крушением идеалов, переменой мировоззрения или мотивами государственной целесообразности...»

Русское кадровое офицерство в большинстве разделяло монархические убеждения и в массе своей было, во всяком случае, лояльно» [4, с. 8].

Именно приверженность этой вековой традиции стала причиной полной растерянности среди кадрового офицерства вследствие крушения монархии. Цементирующая идея рухнула. Генерал В. Марушевский прямо говорил, что его «мар-

товская революция... совершенно выбросила из колеи» [9, с. 14].

Но уже после Февральской революции начинается поляризация в офицерской среде. Очень яркая зарисовка этого явления содержится в воспоминаниях П. Н. Врангеля от 15 марта 1917 г.: «Не было твердости и единства и в верхах армии. Вместо того чтобы столкнуться и встать единодушно и решительно на защиту вверенных им войск, старшие военачальники действовали вразброд, каждый за себя, не считаясь с пользой общего дела. В то время как граф Келлер, отказавшись присягнуть Временному правительству, пропускал мимо себя, прощаясь с ними, свои старые полки под звуки национального гимна, генерала Брусилова несли перед фронтом войск, в разукрашенном красными бантами кресле, революционные солдаты»... [1, с. 32–33].

Во-вторых, выбор позиции определяется и таким переплетением факторов, как высокий уровень образования и, как следствие, стремление к анализу и осмыслению складывающейся ситуации, но вместе с тем и определенное «политическое невежество» военного состава, на которое позже ссылались бывшие белогвардейские офицеры. Оно зачастую осложняло оценку событий и приводило к неверным выводам. В частности, относительно взгляда на большевиков как на реальную и серьезную угрозу, как на достойного противника. Такое обоснование в выборе позиции непримиримого врага Советской власти содержится в последнем слове атамана Б. В. Анненкова на процессе в Семипалатинске в 1927 г.: «Когда я выступил и дрался против большевиков, ... то я был убежден, что большевики, придя к власти захватническим путем, уже являются незаконной властью. Я был убежден в том, что большевики не смогут опираться на широкие массы населения, не смогут привести страну, разрушенную империалистической войной, в порядок, не могут поднять ее, не смогут управлять ею. Я был убежден, что я должен выступить на бой с большевиками, я был убежден, что я был прав в этой борьбе» [3, с. 388]. В результате атаман определяет сделанный им выбор как заблуждение.

На отсутствие политических мотивов при выборе позиции, в частности, офицерами Генштаба, указывает В. В. Каминский, полагая, что в этом случае определяющим моментом было «стечение конкретных специфических обстоятельств, но вовсе не политические убеждения той или иной персоны» [7]. Данное заключение весьма спорно,

поскольку, невзирая на политическую безграмотность военного состава, события 1917 г. и даже ранее, – события 1915–1916 гг., связанные с неудачами русской армии в Первой мировой войне, не могли не привести офицерство к попытке осмыслить складывавшуюся ситуацию. Процесс изменения психологических установок офицерства охарактеризовал А. И. Деникин: «Но и кадровое офицерство изменяло свой облик... Мистическое “обожание” монарха начало постепенно меркнуть. Среди младшего генералитета и офицерства появлялось все больше людей, умевших отличать идею монархизма от личностей, счастье родины – от формы правления. Среди широких кругов офицерства явился анализ, критика, иногда суровое осуждение» [4, с. 10].

Вообще, представляется, что концепция «политического невежества» в среде русского офицерства на момент начала Гражданской войны выглядит очень уязвимо. Поскольку все познается в сравнении, возникает вопрос: а кто в Российской империи в начале XX в. блистал исключительной политической грамотностью? При ближайшем рассмотрении приходится сделать вывод, что компетентно подойти к проблеме оценки политической ситуации в стране, в принципе, на тот момент могли лишь люди, сами непосредственно этой политикой занимавшиеся. Этим, в частности, можно объяснить факт постоянных перебежек с одной стороны на другую. Неподкованное и до конца не убежденное идеологически население не чувствовало прочной связи ни с одной из воюющих сторон. Позиция монархизма, искреннюю приверженность которой сохранили далеко не многие, в основном была свойственна старшему генералитету, то есть людям, прослужившим этой идее всю свою жизнь и находящимся в том возрасте, когда радикальная ломка мировоззрения в силу особенностей психики человека уже практически невозможна.

Молодой поручик царской армии М. Н. Тухачевский принял сторону большевиков вполне сознательно и отчасти именно по политическим убеждениям, отчасти в надежде на то, что именно большевики смогут спасти армию и вернуть ей былое величие. Кстати, антимонархические настроения М. Н. Тухачевского корнями своими уходят в детство будущего советского маршала.

В-третьих, играет роль сила сложившихся обстоятельств, влияние момента. Это определяло стихийность сделанного выбора, делало его не-

прочным. В основном, это было свойственно людям психологически, морально слабым, что сейчас принято называть «ведомым». Такой вариант развивает генерал-майор (анненковского производства) Н. А. Денисов на судебном процессе в Семипалатинске в 1927 г., на котором он оказался как ближайшее доверенное лицо атамана и его последний начальник штаба. «Проснувшись утром, я воспринял приход белых как совершившийся факт и поплыл по течению» (Н. А. Денисов говорит здесь о событиях августа 1918 г., а именно о взятии Казани белыми и отрядом Чехословацкого корпуса)... [3, с. 216]. Кстати, Н. А. Денисов также ссылается на свою политическую неосведомленность: «Я, как офицер, ... был политически бессознателен и неграмотен»... [3, с. 216]. Конечно, его объяснение с учетом обстоятельств и всей линии поведения генерала на суде, в которых оно давалось, не вполне заслуживает доверия, тем не менее, влияние момента вообще было очень сильно в период Гражданской войны. «Впечатления были сильны и скоропреходящи. Их не успевали анализировать. Жили минутой, не схватывая размах швырявшей их катастрофы» [5, с. 36].

В-четвертых, угроза смерти, применение методов террора по отношению к офицерству. Так, например, было с офицерами-каппелевцами по окончании Ледяного похода, точнее с теми из них, кто выбрал конечной точкой похода Монголию. Таким образом, они оказались во власти барона Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга, взявшего в феврале 1921 г. столицу Монголии Ургу. В городе началась мобилизация, которая порой носила насильственный характер. Во всяком случае, по воспоминаниям самих офицеров, идти служить в дивизию барона они желанием не горели и были вынуждены подчиниться именно под угрозой физического уничтожения. Говоря о добровольной записи в дивизию барона Унгерна, К. И. Лаврентьев отмечает: «...поступать торопились, спасая себя, выдавая за полезных делу» [8, с. 321]. Согласно Приказу № 15 от 21 мая 1921 г. о наступлении на Сибирь «преступный нейтралитет» бойцов является преступлением и должен караться «по все строгости законов военного времени» [8, с. 171]. Это только нейтралитет. Несложно предположить, как должен караться сознательный переход на противную сторону. Хотя этот пример характеризует проблему более узкого выбора, уже внутри самого белого лагеря, тем не менее, он подтверждает влияние на выбор позиции такого фактора, как террор, угроза физиче-

ской расправы вплоть до уничтожения. Фактор принуждения по отношению к офицерам Генштаба констатирует А. В. Ганин, ссылаясь на письмо генерала Н. С. Махрова, с апреля 1918 г. служившего в рядах РККА. «Он [Н. С. Махров – А. А.] сообщал, что служит в РККА по принуждению, поскольку находится под контролем военного комиссара и не может перейти к белым, поскольку в заложниках у большевиков остаются его жена и дочь» [2]. В такой ситуации человек принимает решение под страхом смерти, спасая свою жизнь и жизнь своих близких. Выбор, сделанный под влиянием страха, также не обеспечивал прочности позиции.

В-пятых, для ряда офицеров доминирующее значение имела цель разгрома большевиков, искреннее и полное неприятие Советской власти, у многих доходившее до фанатичной ненависти. Не стараясь создать для себя какую-либо политическую платформу, они руководствовались принципом «все средства хороши, лишь бы разбить большевиков». Так, например, поступил генерал В. О. Каппель, согласившийся воевать под красным знаменем Комуча во имя победы над большевиками.

Своеобразную, но не лишённую оснований, мотивацию предлагает Л. Юзефович в своей книге «Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга», а именно, личные привязанности, в частности, военных. «Обычно человек оказывался по ту или иную сторону фронта по причинам чисто житейским, не имеющим ничего общего с идеологией обоих лагерей. Парень из Читы мог пойти служить в вокзальную охрану при красных, потому что ревновал свою невесту, работавшую там кассиршей..., но с приходом белых на него настроил донос один из соперников, и несчастный жених был арестован за службу большевикам. В те дни люди выбирали судьбу на годы вперед, хотя еще и не догадывались об этом... Линии фронтов проходили буквально через сердца влюбленных» [10, с. 42]. Среди офицерства такие мотивы были редким явлением по сравнению с рядовым составом, особенно по сравнению с выходцами из гражданского населения, но все же и это имело место. Подобный выбор также не обеспечивал прочность позиции.

Как видно из вышесказанного, политический аспект в процессе самоидентификации офицерского корпуса играл весьма незначительную роль, уступая место самым различным факторам субъективного характера. В силу этого команд-

ный офицерский состав на протяжении всего хода Гражданской войны всячески старались избежать прямого вмешательства, или какого-либо мало-мальски влияния на принятие политических решений, что определило их политику «непредрешенчества». Как военные они были абсолютно правы, но как лица, вынужденные вести политическую борьбу, борьбу за власть, они совершали тем самым большую ошибку.

Пожалуй, единственным представителем Белого движения, руководствовавшимся исключительно политическими мотивами, был генерал-лейтенант Р. Ф. барон Унгерн фон Штернберг. Бывший капеллевский офицер В. А. Зиновьев констатировал в своих воспоминаниях: «...у него [Унгерна. – А. А.] нельзя не отметить некоторую идейность и необыкновенную волевою энергию, что значительно выделяло его среди руководителей Белого движения в Забайкалье и вообще на востоке» [6, с. 397]. Барон стоял на крайней монархической позиции, даже с налетом Раннего Средневековья, и, в сущности, его идеи, как показали дальнейшие события, оказались утопическими. «У нас, аристократов, одна идея, одна цель, одно дело – восстановление царей. Как погибает человечество на Западе под влияниями социалистических и анархических учений, так воскресает человечество на Востоке, хранящее в своих сердцах устои монархизма» [8, с. 132]. Однако четкая политическая позиция и, как следствие, целеустремленность в ее осуществлении позволили Роману Федоровичу со своей микроскопической в масштабах войны дивизией творить чудеса.

Вне всякого сомнения, предложенный перечень факторов влияния на выбор позиции в период Гражданской войны достаточно условен, на самом деле процесс самоидентификации как офицерства, так и представителей других слоев российского общества намного глубже и противоречивее, поскольку здесь имели место сугубо личные мотивы, чувства и эмоции, которые, переплетаясь, образовывали сложный психологический фон. «Почти все признавали доминирование человеческих страстей, не поддающихся какому-либо партийно-политическому объяснению и нередко вытекающих из зависти, злобы и мести за испытанное раньше зло» [5, с. 36–37]. Тем не менее, это позволяет сделать общий вывод о том, что какими бы ни были факторы влияния на выбор гражданской позиции среди офицерства в начале Гражданской войны, как правило, их фун-

дамент был достаточно зыбок и не отличался твердыми идеологическими убеждениями.

Кроме того, отсутствие четких политических мотивов в выборе позиции предопределили в значительной степени конечное поражение Белого движения в Гражданской войне, поскольку им пришлось столкнуться с той силой, для которой политика была смыслом и образом жизни.

Библиографический список

1. Врангель, П. Н. Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Т. 1: Воспоминания. Мемуары [Текст] / П. Н. Врангель. – Мн.: Харвест, 2002. – 480 с.
2. Ганин, А. В. О роли офицеров Генерального штаба в Гражданской войне [Текст] / А. В. Ганин // Вопросы истории. – 2004. – № 6. – С. 98–111.
3. Гольцев, В. А. Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова [Текст] / В. А. Гольцев. – М.: Вече, 2009. – 480 с.
4. Деникин, А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 [Текст] / А. И. Деникин. – Мн.: Харвест, 2003. – 464 с.
5. Зиминая, В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. [Текст] / В. Д. Зиминая. – М.: РГГУ, 2006. – 467 с.
6. Зиновьев, В. А. Воспоминания о Белой борьбе [Текст] / В. А. Зиновьев // В. А. Зиновьев. Капель и капеллевы. – М.: Посев, 2007. – 735 с.
7. Каминский, В. В. Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917–1920 годах [Текст] / В. В. Каминский // Вопросы истории. – 2003. – № 11. – С. 115–126.
8. Кузьмин, С. Л. Барон Унгерн в документах и мемуарах [Текст] / С. Л. Кузьмин. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004. – 661 с.
9. Гражданская война в России: Война на Севере. [Текст] / В. Марушевский // Белые в Архангельске. – М.: АСТ: Транзиткнига; СПб: Terra Fantastica, 2004. – 570 с.
10. Юзефович, Л. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга) [Текст] / Л. Юзефович. – М.: Эллис Лак, 1993. – 272 с.